

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А.М. Мамадалиев *

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЫСКНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Сыскное дело в России было организовано на государственном уровне в начале XX века. Закон об организации сыскной части в Российской империи был одобрен Государственным Советом и Государственной Думой и утвержден 6 июля 1908 г. императором Николаем II. Далее он был разослан в губернии для исполнения, в том числе его получил и черноморский губернатор [1]. Рассмотрим, как организовывалось сыскное дело на юге России, в частности в г. Новороссийске.

Черноморский губернатор, в свою очередь, направил на имя городского Головы распоряжение, где сообщалось о необходимости учреждения в городе сыскного отделения и указывался его штат. Отделение было отнесено к 3-ему разряду и организовывалось при городском полицейском управлении.

Заметим, что в этом же письме содержалась просьба «об отводе одной большой и двух меньшего размера комнат для организуемого Адресного стола, учреждение коего ... вполне отвечает ин-

тересам города, его постоянных жителей и временных посетителей» [2].

Штат сыскного отделения должен был состоять из восьми человек: начальника отделения, зарплата которого вместе с разъездными составляла 1200 рублей, трех полицейских надзирателей с окладом по 550 рублей каждому и четырех городских с содержанием по 360 рублей каждому [3]. Сравнивая заработную плату сотрудников сыскного отделения с представителями других профессий, нельзя не отметить ее весьма высокий уровень, особенно у начальника отделения.

Представляет интерес «Список служащих в Новороссийском сыскном отделении, с поименованием всех членов семьи в отдельности за каждого», составленный 22 июня 1912 г. [4]. Всего 12 сотрудников; «временному исполняющему должность начальника отделения» Чернышу Михаилу Трофимовичу был 41 год, возраст трех надзирателей – 30, 34, 40 лет (то есть, средний возраст – около 35 лет), возраст четырех городских – 26,

* Мамадалиев А.М. – к. п. н., доц. каф. отечественной истории СГУТиКД.

29, 36, 42 лет (средний возраст – около 33 лет). Кроме этого, в штатном расписании 1912 г. уже появился переводчик (грек по национальности, 26 лет), три вольнонаемных – «специально по сыску» (средний возраст – 25 лет) и один человек – «по канцелярии отделения». 75 % работников отделения женаты. Таким образом, можно сделать вывод, что все работники отделения были молодого и среднего возраста, получали неплохую зарплату, большинство из них семейные, с детьми, штат за неполные четыре года возрос на треть.

В вышеуказанном письме губернатора оговаривались мельчайшие подробности функционирования вновь создаваемого подразделения. Городскому управлению предписывалось вооружить и обмундировать городских, выделить отапливаемое и освещаемое помещение из пяти комнат: кабинет начальника отделения, по отдельной комнате для надзирателей, нижних чинов, посетителей и под приемную. Специально указывалось, что для «успеха розыскного дела местонахождение сыскного отделения далеко небезразлично» [5].

Кроме того, предлагалось «обсудить вопрос о квартирных, не положенных по штату, деньгах и о добавочном, в виде разъездных денег, содержания начальнику сыскного отделения и полицейским надзирателям» [6].

В письме губернатора подчеркивалась важная роль данного учреждения: «деятельность сыскных полицейских чиновников затрагивает живейшие интересы горожан», «город прямо заинте-

ресован в наличности хорошо оплаченной полиции» [7].

После обсуждения полученного предписания городская управа Новороссийска составляет доклад «Об ассигновании средств на учреждаемое в городе Новороссийске сыскное отделение», опубликованный в приложении к журналу Новороссийской Государственной Думы от 16 октября 1908 г. В нем обосновывается, вплоть до копеек, сумма, которую необходимо выделить из бюджета города на содержание отделения, – 782 рублей 66 копеек: 500 рублей за наем помещения в год (300 рублей будет доплачиваться из средств, находящихся в распоряжении губернатора, так как аренда помещения обходится в 800 рублей); отопление двух печей – 46 рублей 66 копеек; освещение шестью лампами – 36 рублей; обмундирование и вооружение четырех городских – 200 рублей. Кроме этого, предполагалось «необязательное для города» «добавочное содержание»: разъездные деньги для начальника и надзирателей по 200 рублей каждому. Итого, сыскное отделение в первый год своего существования обходилось городу в 1582 рублей 66 копеек [8].

Далее проводится работа по осуществлению полученного распоряжения. Новороссийский городской Голова подыскивает помещение, отвечающее указанным в письме губернатора требованиям, после чего 3 октября 1908 г. пишет письмо домовладельцу Семену Акимовичу Каллистратову, где просит сообщить об условиях сдачи дома по Во-

ронцовской улице под сыскное отделение [9]. На этом же письме хозяин дома уведомляет о своем согласии сдать дом за 800 рублей в год на три года с предварительной оплатой по полугодиям [10]. Далее подписывается договор с Каллистратовым, в котором владельцем дома выдвигаются дополнительные условия: содержать квартиру, двор и тротуар «в чистоте и опрятности», не готовить в комнатах «кушанья», не устраивать мастерских и т.п., а также без согласия хозяина дома не проводить никаких «переустройств и переделок» в квартире и во дворе. Нельзя не отметить оперативность работы чиновничьего аппарата: после подыскания соответствующего помещения в течение одного дня было направлено письмо владельцу об аренде дома и ее целях, получено его письменное согласие, составлен и подписан договор об аренде [11].

Не меньшего восхищения вызывает и работа других служб. К сожалению, условие о содержании в чистоте придомовой территории сыскным отделением выполнено не было, так как сохранился заочный приговор, которым мировой судья 2-го участка г. Новороссийска Екатеринодарского окружного суда 29 мая 1909 г. приговорил С.А. Каллистратова к штрафу в сумме 10 рублей (сумма довольно высокая для того времени), а в случае «несостоятельности» – к аресту на трое суток за «антисанитарное содержание двора» и «неочистку тротуара» [12]. В документе отмечено, что «приговор окончательный». Заметим, что С.А. Кал-

листратов занимал должность городского архитектора, что говорит о его достаточно высоком статусе. Однако он, невзирая на чин, был оштрафован, причем, неуплата штрафа исключалась, так как далее предусмотрены более жесткие санкции – арест. Копия приговора была вручена Каллистратову с повесткой под роспись [13]. Судя по этим документам, даже провинциальные российские города содержались в образцовом порядке, при нарушении которых принимались строгие меры: в частности, к Каллистратову были применены статьи 119 и 133 Устава уголовного судопроизводства и заведено уголовное дело [14].

Для работы созданного сыскного отделения было закуплено оборудование и предметы интерьера, с точки зрения сегодняшнего дня, более чем скромные: в «Ведомостях имущества, принадлежащего Новороссийскому сыскному отделению» [15], в реестре числится всего 86 наименований, среди которых и два наименования конфискованного товара («семь тюков мануфактурного конфискованного товара с целыми казенными печатями», «три ящика и одна корзина разного товара, опечатанные с целыми печатями»), а также такие незначительные вещи, как «подстилка из картона», перочинный нож и др. Имущество отделения состояло из шкафов различного назначения, 7 столов разного размера, стульев и табуреток, умывальника, нескольких ламп. Для городских и арестованных было закуплено двое нар.

Из профессионального оснащения можно отметить «глифоскоп с кожаным футляром», четыре измерительных прибора по антропометрии, непробиваемая пулей доска с портфелем к ней, «принадлежности фотографии: эмалированная раковина, 32/2 фута оцинкованного железа трубы, 2 угольника свинцовых, труб 9 пудов 5 футов, медный кран», большая лупа, «пишущая машина Ремигтон». Из транспортных средств был куплен велосипед.

Кроме того, в архивах сохранилось письмо черноморского губернатора от 14 декабря 1908 г., направленное новороссийскому городскому Голове с просьбой о выплате 73 рублей начальнику императорского Тульского оружейного завода за выписанные для нижних чинов отделения четырех револьверов «Наган» [16].

На методы работы сыщиков указывают следующие предметы: «шкатулка для грима с красками – 2 коробки, со всеми принадлежностями и тремя париками, двумя бородами и, усами и волосами для тех же надобностей», «альбом арестантов», «четыре витрины для арестантских карточек», две «металлические связки для рук» (видимо, аналог современных наручников), «двойная большая клетка для собак». Кстати, собаки широко использовались в сыскной деятельности [17]. Добавим лишь, что в Новороссийском сыском отделении были четыре собаки (два доберман-пинчера и две овчарки), которые были привезены из Уфимского сыского отделения. К ним был прикреплен специ-

альный сотрудник (городовой), который два раза в день – утром и вечером – занимался с ними в курортном саду. На питание собак из бюджета отделения ежедневно выделялось 60 копеек («на требуху и отбросы мяса»).

Любопытно, что для оформления интерьера отделения были приобретены культовые предметы: один «портрет ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА» (прописными буквами напечатано в документе) – 8 рублей, «три Иконы» – 3 рубля 60 копеек, «два образка» (35 копеек), «две лампадки» – 1 рубль 15 копеек.

В реестре довольно много слов и словосочетаний, которые сегодня стали историзмами: «веничек для стола», «ламповая щетка», «кочерга», «кадушка», «банка для керосина», «тюфяк» и др.

Таким образом, изучение и анализ архивных документов, касающихся организации сыского дела (на примере г. Новороссийска), позволяет сделать выводы о том, что данная деятельность была тщательно спланирована и подготовлена, а также достаточно оперативно воплощена в регионах.

О результативности работы сыского отделения, а также о криминогенной обстановке рассматриваемого региона, можно судить по ежемесячным отчетам. Возьмем для сравнения «Ведомости о деятельности Новороссийского сыского отделения» за январь [18] и февраль 1912 г. [19]. Преступлений, относимых к особо опасным, совершено не было. Напомним, что таковыми считались «преступления, на предупреждение, пресечение и рас-

следование которых обращалось особое внимание циркулярами, распоряжениями министерства или местного начальства». Далее конкретизировались преступления по видам:

1. Разбойные нападения на почту, казначейства, банки, казенные лавки, «экспроприации» частных лиц.

2. Поджоги и грабежи церквей, монастырей, имений и хуторов.

3. Подделки:

а) металлических и бумажных денег, купонов и процентных бумаг, марок, гербовых и вексельных бланков;

б) аттестатов, документов о личности и т.п.

В рассматриваемые периоды также не были выявлены «преступные организации, содействующие уклонению от воинской повинности», железнодорожные кражи, похищение оружия и казенного имущества военного и морского ведомств, торговля «живым товаром».

Наиболее распространенными преступлениями были кражи, простые (до 300 рублей и выше этой суммы) и со взломом. В январе краж до 300 рублей было восемь (шесть из них раскрыто), в феврале – шесть (раскрыто три); свыше 300 рублей в феврале совершено было две кражи (одно раскрыто), и в январе две кражи со взломом (обе раскрыты). Нужно отметить неплохую раскрываемость данного вида преступлений. В обоих месяцах раскрыты по одному преступлению, проходящему по графе «Коро- и скотокрадство». С раскрытием убийств дело обстояло по-

сложнее: в январе и феврале остались нераскрытыми по одному убийству в каждом месяце. В феврале зафиксировано преступление, относящееся к пункту «Мошенничества, подлоги и вымогательство» (оба раскрыты), в январе также выявлена одна растрата. Кроме того, было совершено и раскрыто в обоих месяцах «других преступлений» – соответственно 11 и 10.

В отчете также указывалось общее число задержанных: в январе – 17 человек, в феврале – 15 (одна из них женщина). В январе общее число зарегистрированных преступников равнялось восемнадцати, а в феврале шести, причем, трое из них – женщины. В первом месяце года было обнаружено четыре рецидивиста, во втором – два. В графе «Случаи установки личностей, скрывающих свое звание, бродяг и «нелегальных» отмечен один человек в январе и четыре – в феврале.

В отчете обязательно указывались лица, совершившие преступление и указывался состав преступления. Так, в графе «Случаи розысков и задержания особенно опасных или выдающихся преступников» перечислялись фамилии, имена и отчества пяти человек, совершивших кражу со взломом бильярдных шаров на сумму 700 рублей (сумма по тем временам огромная, сравним, что аренда помещения под сыскное отделение стоила 800 рублей в год) – в январе. В феврале – двое человек (мужчина и его сожительница), которые были задержаны за вымогатель-

ство и проживание «по подложному паспорту».

Любопытно, что отдельно выделялась графа «Случай удачного применения к розыску преступников, дактилоскопических оттисков, равно исследования следов и других усовершенствованных приемов», однако, новороссийскими сыщиками в рассматриваемый период таковые использованы не были.

Общее число «заявлений и дел по розыскам и расследованию преступлений, принятых к производству» в январе, составило 24, в феврале – 23. На нужды сыскного отделения за два месяца было израсходовано 250 рублей (100 и 150 соответственно), а «обнаруженная сумма из похищенных денег или имущества» составила 494 рубля: т.е. отделение окупало свои расходы в финансовом отношении, не говоря о том, что в городе поддерживался законопорядок.

Руководство сыскного отделения так же строго следило за соблюдением дисциплины и выполнением должностных обязанностей своими сотрудниками. Сохранился рапорт начальника, поданный новороссийскому полицмейстеру с просьбой об увольнении городского и частного агента, которые вечером были направлены на задержание опасного преступника («убийцы»), а утром оказались арестованными за произведенные выстрелы в нетрезвом состоянии. Было проведено служебное расследование, в ходе которого выяснилось следующее: указанных работников отделения арестовали стражники ст. Новороссийск

за стрельбу в воздух (три выстрела). Задержанные пояснили, что около деревни Мефодиевка им встретились пять парней с палками, которым они предложили остановиться и поднять руки, потом произвели предупредительные выстрелы, после чего «неизвестные разбежались». Стражники, подбежавшие на выстрел, никого не видели. Обращает на себя внимание факт немедленного реагирования: сыщиков задержали ночью, утром провели служебное расследование, по итогам которого в тот же день подали рапорт на увольнение [20].

На работу принимались только проверенные люди. В архивах Новороссийского сыскного отделения хранится письмо от 30 мая 1912 г., направленное его руководителем начальнику Керченского сыскного отделения. Приведем его содержание: «Прилагая при сем фотографическую карточку мещанина г. Керчи, Ефима Константиновича Михилевича, 25 лет, прошу Ваше Высокоблагородие о наведении справок негласным путем и сообщении мне подробных сведений о личности и судимости Михилевича. То ли лицо Михилевич, за которое себя выдает, и какое он в числе мещан г. Керчи занимает положение. Родные Михилевича проживают по Садовой улице» [21]. Присланная характеристика, видимо, была удовлетворительной, так как далее мы читаем следующий документ, касающийся Михилевича, – удостоверение от 14 ноября 1912 г.:

«Всем должностным лицам Российской империи.

Предъявитель сего есть действительно агент Новороссийского сыскного отделения Ефим Михилевич, 25 лет, командированный по делам службы в селение Армавир и прочие станицы Кубанской области, которому и прошу оказывать полное законное содействие при исполнении Михилевичем долга службы, в том подписью и приложением казенной печати свидетельствую, — начальник сыскного отделения, титулярный советник» [22].

6 июля 2008 г. данная служба будет отмечать свой 100-летний юбилей. За прошедшие годы в связи с развитием науки и техники оснащенность и вооружение ее сотрудников несоизмеримо возросли, однако, нельзя забывать, что основы ее деятельности были заложены в начале прошлого века.

Примечания:

1. Архивный отдел администрации города Новороссийска (АОАГН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 14.

2. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 14.

3. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 14.

4. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 85.

5. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 14.

6. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 14.

7. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 14об.

8. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 14об.

9. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 4.

10. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 4.

11. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 17.

12. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 38.

13. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 38об.

14. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 38об.

15. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 76, 76об, 77, 77об.

16. АОАГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 18.

17. *Мамадалиев А.М.* К вопросу о применении служебных собак на территории Черноморской губернии в начале XX века // Былые годы: Черноморский исторический журнал. 2007. № 6. С. 7–9.

18. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 18, 18об, 19.

19. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 35, 35об.

20. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 22, 22об, 23.

21. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 69.

22. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Л. 162.